З.А. Чеканцева

ВРЕМЯ И ИСТОРИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ АНТРОПОЦЕНА

Тема времени и истории в условиях антропоцена приобрела статус одной из самых актуальных тем современности. В масштабных дискуссиях об историческом времени, вращающихся вокруг нескольких вопросов (линейность, имманентность, контингентность, синхронизация) концептуально утверждается анахроничная, множественная и многослойная природа темпоральности. В свете междисциплинарного обсуждения темпорального содержания исторического опыта календарное и хронологическое время истории, воспринимаемое как спонтанное проявление естественного порядка вещей, предстает как совокупность управленческих техник, сложившихся анонимно и стихийно, но при поддержке различных институций, прежде всего государственных. В стремительно меняющемся мире, идет настойчивый поиск аналитических инструментов для осмысления множества темпоральностей с тем, чтобы понимать не только прошедшее, но также настоящее и будущее нашей планеты.

Ключевые слова: *антропоцен, трансдисциплинарность, история, историческое время, темпоральности, темпорализации, историчность*

Единственный долг перед историей – переписать ее.
Оскар Уайльд

Британский ученый Джеймс Лавлок в начале нового тысячелетия разработал теорию Гайи (Gaia), в которой Земля предстает как живой организм, регулирующий свою жизнь в соответствии с потребностью в самосохранении. Наша планета не только вертится, как говорил Галилей, но меняется, приспосабливаясь к обстоятельствам[1]. В 2016 г. основательная наука стратиграфия официально признала, что человечество уже более полувека живет в новой, сменившей голоцен эпохе, которую нарекли антропоценом[2]. В обсуждении порожденной этой эпохой проблематики принимают участие философы и представители всех научных дисциплин, в т.ч. историки[3]. Наблюдаемые сейчас глобальные изменения – результат более длительных процессов. Человеческий фактор накладывает отпечаток на изменения среды, но не определяет их. Тем не менее в последние полвека деятельность человека, по мнению многих ученых, приобрела геологическое измерение, требующее осмысления.

В антропоцене сегодня сконцентрированы все важнейшие проблемы планеты Земля и населяющих ее живых организмов[4]. При этом обсуждаются не только естественнонаучные проблемы (изменение клима-

[1] Lavlok 2000; 2006.

[2] Неологизм ввел в науку эколог Юджин Стормер в середине 1980-х, но популярность он приобрел в самом начале нового тысячелетия благодаря специалисту по химии атмосферы Нобелевскому лауреату Паулю Крутцену.

[3] См. Domanska 2014; Quenet 2017; Chakrabarty 2018.

[4] Bonnueul et Fressor 2016. [2013]; Zalasiewicz 2017.

та, исчезновение видов, экология), но и вопросы, связанные с основами социальных и гуманитарных наук. Например, выясняется, что кризис переживает не только европоцентризм, но и антропоцентризм, поскольку отчасти именно агентность человека завела мир в тупик. Помимо человека на нашей планете существует множество живых видов, а также материальный мир вещей, которые изучены недостаточно. Бруно Латур образно представил эту ситуацию, сравнив мир с театром: «Сегодня декорации, реквизиты, кулисы, все здание поднялись на сцену и оспаривают право актеров на главную роль. Это меняет все сценарии, предполагает совершенно новые результаты. Люди больше не являются единственными действующими лицами, даже если они думают, что главная роль доверена им»[5]. Изменилось также наше понимание природы[6]. Соединяя человеческое время и время Земли, человеческие действия и нечеловеческую агентность, антропоцен отрицает темпоральное, онтологическое, эпистемологическое и институциональное разделение между природой и культурой, природой и обществом[7].

На смену междисциплинарности в XXI веке приходит трансдисциплинарность как ключевая исследовательская практика, необходимая для понимания времени и мира, в котором мы живем. В интеллектуальной культуре рушатся тематические барьеры, растворяются дисциплинарные границы, и трудно понять, что именно вызывает это тектоническое движение. Все это влияет на экологическое, историческое и политическое мышление, акцентируя внимание на необходимости радикального обновления словаря и инструментария философии и науки. Вновь пересматривается понимание исторического нарратива как эвристического и эпистемологического инструмента, связанного с жизнью. Речь идет о том, чтобы выйти за пределы лингвистического поворота, «покинуть зеркальный дворец репрезентации» и освободиться от нее[8].

Меняется и процесс формирования теоретического знания. Михаил Ямпольский полагает, что теперь теория складывается по эмерджентному типу – без «звезд», без доминирующей фигуры, но как коллективный плод труда большого интеллектуального сообщества. Такое движение захватывает разные страны, различные профессии и получает необходимое философское обоснование, что свидетельствует о «насущной потребности новых онтологий и нового системного мышления». Важнейшее свойство формирующейся теории сложных систем, органично связанной с теориями хаоса, катастроф, информации и коммуникации, философ представляет, как «прорыв за пределы репрезентативно-символического мышления, за пределы мышления в терминах кодификаций и иерархий»[9]. Ямпольский относит историю к теоретически «отсталым»

[5] Latour 2017: 60.
[6] См.: Дескола 2012.
[7] Chakrabarty 2009: 197–222.
[8] Runia 2010: 231.
[9] Ямпольский М. 2011. См. также Юрчак 2018.

областям гуманитарного знания, поскольку теоретические новации влияют на историков «слабо и с большим опозданием». Американский историк С. Танака подчеркивает консервативность исторического знания, объясняя ее прежде всего тем, что историки пока не разобрались с темой исторического времени, оставаясь в плену классической таксономии и упрощенной хронологии[10]. Тем не менее историографии принадлежит огромное место в трансдисциплинарном переосмыслении исторического времени. Трудно переоценить также вклад современных специалистов по истории науки, истории философии и теории истории[11].

«Ирония семантической истории “истории” заключается в том, что “сама история” (Geschichte selber) или “история чистая и простая” (Geschichte schlechthin) первоначально означала необходимость теории в нашей дисциплине, – писал Р. Козеллек. – Когда термины “сама история” и “философия истории” (Geschichtsphilosophie) впервые появились примерно в 1770 году, они имели одинаковое значение. Со временем метаисторическая составляющая этих выражений была поглощена недавно придуманным термином “историчность” …Обсуждение историчности сталкивается с теоретическими проблемами, которые возникли в результате кризиса историзма». При всей своей неопределенности понятие «*историчность* и проясняющие его категории открывают такую историю (*Historik*) и метаисторию, которая исследует мобильность вместо движения и изменчивость вместо изменения в конкретном смысле»[12]. Ряд философов считают, что в конце XX в. обновленная философия истории стала философией историографии, историки размышляют о рефлексивном повороте в историографии и эпистемологии истории[13].

Переосмысление исторического времени

Козеллек полагал, что из всех вопросов, поставленных исторической наукой, одним из самых трудных является «определение того, что собой представляет историческое время»[14]. Ответ на этот вопрос до сих пор не найден, хотя историки много думали об историческом времени, пытаясь в материале преодолеть философские апории темпоральности[15]. В последние годы становится ясно, что связанное с прогрессом историческое время, в структуре которого прошлое навсегда остается в прошедшем, а будущее всегда лучше настоящего, устарело. Вызовы антропоцена актуализировали тему исторического времени, сделав ее одной из ключевых проблем современности. Что такое историческое время? Как оно структурировано? Как проявляет себя кризис времени? В чем заключается «вывихнутое, расколотое время»? В каком времени мы жи-

[10] Tanaka 2015.
[11] При этом следует учитывать радикальную трансформацию этих познавательных полей за последнее столетие. См.: History: Twenty-First-Century Perspectives 2020.
[12] Koselleck 2002.
[13] Чеканцева 2018.
[14] Koselleck 1990: 9.
[15] См. подробнее Чеканцева 2011: 55-75.

вем? Что такое презентизм? Что такое современность? Ответов на эти вопросы в мировой философии и науке, включая историографию, великое множество. В этой связи наряду с необозримым количеством индивидуальных исследований реализовано немало коллективных проектов, многие из которых воплощены в опубликованных трудах, созданных авторитетными специалистами из разных областей познания[16].

В России тема исторического времени остается периферийной. Даже переводчики пока не сумели договориться о том, как переводить связанные с этой темой слова. Например, *modernity* часто переводят как *современность*, *модерн*, или *Новое время,* а *temporality* как *временность* или *временные рамки*, что не вполне соответствует содержанию этих понятий в зарубежных исследованиях. Недавняя международная и междисциплинарная дискуссия на страницах «Нового литературного обозрения», обнажив эвристический потенциал теорий модерности, оставила больше вопросов, чем ответов[17]. Некоторые историки отказываются даже слышать о слове *темпоральность*, видя в нем лишь ненужное наукообразие. Хотя термин *темпоральность* родился в естествознании и давно используется не только в философии, но и в гуманитарном и социальном познании[18]. Во Франции, например, уже четверть века существует трансдисциплинарный журнал «*Temporalités»*, а в мировой науке перешли от времени как априорной формы чувственной интуиции к темпоральностям, зависящих от людей, культур и исследуемых эмпирических рядов[19]. «Встряхивая плодородное дерево темпоральности, историк всегда надеется собрать новые плоды», – писал А. Буро в конце прошлого века[20]. Впрочем, необходимость обсудить парадоксы исторического времени осознана и у нас[21].

В основе проекта семантики исторического времени Р Козеллека лежит категория *темпорализации*, которую немецкий историк встречал у М. Хайдеггера и А. Лавджоя. Вот как он представляет эту категорию:

> «Исторические и прогрессивные взгляды на мир имеют общее происхождение. Они дополняют друг друга, как лики Януса. Поскольку модерность непрерывно предлагает что-то новое, надо открыть и осознать другое прошлое, то есть его странность, которая возрастает с годами. История стала нововременной наукой в тот момент, когда разрыв в традиции качественно отделяет прошлое от будущего. С тех пор было необходимо разработать специальные методы, которые учат нас распознавать инаковость прошлого. С тех пор стало возможным, что истина истории меняется с течением времени, или, если быть более точным, историческая истина может устареть. С тех пор исторический метод также означает необходимость определять точку зрения, из которой можно сделать выводы. С тех пор очевидец боль-

[16] Lorenz and Bevernage 2013; Debating New Approaches… 2018; Ethos of History 2018; Rethinking Historical Time… 2019.
[17] Споря о модерности 2016.
[18] Лукьянов. 2007.
[19] Dubar 2014: 20.
[20] Les formes de l'expérience.1995: 23.
[21] См. обзоры в Хронике научной жизни 2019.

ше не является главным свидетелем события; его роль будет осмыслена в свете меняющихся перспектив, которые использовались в прошлом. Наконец, только с тех пор аксиома уникальности всей истории и ее индивидуальности стала возможной. Все это противостоит предыдущему историческому опыту, когда в русле античности и христианства не ожидали в будущем ничего принципиально нового, но лишь что-то похожее или аналогичное. Вместе с Лавджоем можно назвать эти процессы, которые я кратко описал, "темпорализацией истории"»[22].

Козеллек одним из первых обратил внимание на то, что историческое мышление и прогрессивное мировоззрение имеют общее происхождение. При этом именно рождение будущего, как ни парадоксально, породило прошлое как объект исторического знания, что недавно еще раз убедительно показал Люциан Хельшер[23]. В эпоху модерности понятие прогресса стало важнейшим инструментом *политики времени*[24]. Эта синтагма, которую в числе первых ввел в науку немецкий антрополог Йоханнес Фабиан[25], сегодня используется в конкретно-исторических исследованиях на материале разных континентов и регионов, связывая изучение темпоральностей с проблематикой власти[26]. Пример политического использования времени в историографии – понятие *анахронизм*, введенное в автономной исторической дисциплине в качестве основополагающей нормы для того, чтобы отделить прошлое от настоящего. Сегодня *анахронизм*, длительное время воспринимаемый как недопустимая темпоральная ошибка, полностью реабилитирован[27]. В многочисленных текстах показано, что смешение времен – норма в историографической практике. Особенно убедительно это сделано в исследованиях по истории памяти, коммеморации, травмы, ностальгии, в гендерных и постколониальных исследованиях. Проблема обязательной темпоральной дистанции, призванной обеспечить объективность исторического исследования несомненно тоже связана с политикой. По поводу ее установления в классической философии истории и традиционной историографии К. Лоренц заметил, что с этого момента «не только сова Минервы, но и сова Клио начинает летать в потемках».

Еще один важный инструмент политики времени в истории представляет хронология, которую нередко отождествляют с периодизацией. Как особая форма учености хронология существовала задолго до эпохи модерности. Вольтер, которого считают одним из основателей нововре-

[22] Koselleck 2002.

[23] Hölscher 2014.

[24] Хельге Джордхейм полагает, что сегодня темпоральная синхронизация структур опыта происходит с помощью понятия *кризис*. Существует зонтичное понятие *большого кризиса*, вбирающее в себя разнородные структурные кризисы (экологический, финансовый, культурный, миграционный и проч.) Jordheim, Wigen 2018: 421–39.

[25] Fabian 1983; См. тематический номер «Политика времени» журнала «Социология власти» 2016.

[26] Osborn. 1995; Mudrovcic 2019: 456–473

[27] Loraux 1993; Rancière 1996; Олейников 2014; Политика времени: анахронизм и современность Дебаты. 11.12.2015

менной философии истории, в статье «История» (1765) в Энциклопедии, открыл путь для принципиального различия между темпоральностью и хронологией, отделив время естественной истории от времени исторического. Он полагал, что темпоральность принадлежит к истории, а хронология соответствует наукам о природе[28]. Однако в XIX в. мощное соединение хронометрии и идеологии привело к тому, что качественное историческое время заменили упрощенной хронологией, которая превратилась в однородную дисциплинарную и дисциплинирующую систему. Именно это обстоятельство по мнению М. де Серто сделало время истории «немыслимым». Точнее, хронология заменила для историков качественное многомерное время истории, которое они просто перестали замечать. Периодизация, будучи тривиальной операцией в исследовательской практике историков, является самой политизированной процедурой исторического исследования[29].

В современной литературе обосновывается мысль, что в условиях темпорального поворота хронология снова распадается, позволяя сравнивать длительности, периодизации, скорости, ритмы. Так, М. Ямпольский пишет: «По существу, история перестает быть историей духа, она становится историей жизни. Но одновременно история утрачивает качества хронологической непрерывности, континуальность уступает место разным историям, не связанным между собой хронологиям»[30]. С. Танака в книге с провокативным названием «История без хронологии» признает, что хронология нужна, но при условии ее радикального обновления, с тем чтобы историки получили доступ к многочисленным темпоральностям, составляющим качественное историческое время/времена[31]. Необходимо более решительно историзировать хронологию как исследовательскую практику, чтобы сделать ее полезной для более сложного понимания исторической динамики, которое предполагает рефлексивное отношение к мультимпоральному миру, с учетом концептуального единства понятия время и разнообразных способов сочленения главных модусов времени в разных «местах» и культурах.

Давно установлено, что привычное для нас линеарное историческое время с троицей главных модусов (теперь его называют классическим) утвердилось в Европе в качестве стержня исторического познания в эпоху модерности. Очевидно, что в этом процессе участвовали люди, институты и структуры, в т.ч. государство. Швейцарский историк Марио Виммер предложил более конкретное объяснение происхождения такого исторического времени. Детально изучив архивные практики, включая не только связь архивов с государством и бюрократическими процедурами, но и технологические трансформации архивного дела, он показал, что историческое время родилось из «анонимной архивной

[28] Walter 2006.
[29] См. Breaking Up Time 2013.
[30] Ямпольский 2013.
[31] Tanaka 2019.

практики XIX – начала XX столетия»[32]. В ходе исследования он обнаружил в такой практике множество темпоральностей. Например, документы, которые складываются в архиве для хранения – это свидетельства прошлого. Но есть еще очень важный для архива документ, который создается в настоящем – опись или реестр. Архив вовлекает архивиста в сложную сеть материальных следов множества исторических времен, а не только «прошлого». Складывается ситуация, в которой решения о том, что сохранить, а что удалить из архивов принципиально не имеют основания. Экономика архивных следов вводит в пространство архивов темпоральность более сложную, чем основополагающее для модерной исторической науки понятие «История в единственном числе». Виммер предложил переосмыслить ключевые операции и принципы организации архивного дела как «часть проекта анонимной истории настоящего, который связывает настоящее с прошлым не как его неизбежный результат, но как случайный продукт изменений во властных отношениях». Он считает, что только основательно изучив историю архива можно переосмыслить время и его отношения с историей. В противном случае мы будем «продолжать писать о прошлом в соответствии с понятием истории, опасно близким к государственному организму XIX века и его историко-политическим механизмам как имперской власти, так и колониальной гегемонии, а также в соответствие с бюрократическими принципами организации архивного дела, которые нередко противоречат интересам историка, предпочитая процедуры, гарантирующие институциональный порядок и минимальные издержки»[33].

В теоретических размышлениях о множественных темпоральностях в историографии одно из центральных мест принадлежит стратиграфической модели времени, ставшей популярной благодаря Ф. Броделю и Р. Козеллеку. Согласно этой модели, историки могут мыслить множественность темпоральностей в терминах темпоральных пластов, подобно тому как геологи мыслят земную кору в терминах геологических пластов. Бродель считается пионером в историографическом переосмыслении линеарной темпоральности. Множество времен присутствовало уже в его диссертации о Средиземноморье, структура которой была определена к 1939 г. В программной статье 1958 г. историк предложил социальным наукам общий язык, в котором важную роль играла идея множества времен, среди которых он выделял *longue durée*. Однако дисциплинарное соперничество наряду с другими обстоятельствами, блокировало это предложение. Только в XXI в. идея *longue durée* оказалась вновь востребованной, позволив значительно расширить территорию историков[34]. В 1980-е гг. Козеллек придумал концепцию «слоистого

[32] Понятие «анонимная история» Виммер взял из исследований процесса механизации. Смысл такой истории состоит в раскрытии отношений между материально-символическими объектами.

[33] Wimmer 2015: 165-183.

[34] См. Smail 2008; Shryock, Smail 2011.

времени», в которой «отложения времени» (Zeitschichten), так же как их геологический прототип, предполагают наличие множества темпоральных уровней различной длительности и происхождения, которые, тем не менее, присутствуют одновременно. В этой концепции все, что возникает из разнородных жизненных обстоятельств, как синхронно, так и диахронно, происходит одновременно[35].

Преимущество стратиграфической модели видят в том, что она не только схватывает многомерность исторического времени, но также позволяет понять *«одновременность неодновременного»,* т.е. одновременное соприсутствие множества темпоральных слоев, имеющих разное происхождение и место в хронологическом времени. Несмотря на привлекательность глубинной аналогии между геологическими пластами и слоями времени и ее широкое распространение в исторической теории, она требует дополнительной рефлексии. Преодоление телеологии в такой модели, по мнению Лоренца, оказывается фикцией, так как идея одновременности неодновременного все равно содержит в себе нормативную привилегию, основанную на идеологии прогресса. Лоренц отмечает также, что историческое время политично, в отличие от аполитичного геологического времени. Кроме того, стратиграфическая модель мало использовалась в конкретно-исторических исследованиях и пока остается привлекательной метафорой[36].

Бруно Латур предложил в качестве альтернативы доминирующему представлению о времени истории спиральное его понимание:

> «Давайте предположим, что мы собираемся перегруппировать нововременные элементы, располагая их не по линии, а по спирали. Мы имеем будущее и прошлое, но будущее в форме круга, расширяющегося во всех направлениях, и прошлое, являющееся не пройденным, но возобновляемым, повторяемым, очерчиваемым, защищаемым, заново комбинируемым, интерпретируемым и вновь создаваемым. Элементы, которые нам кажутся далекими, если мы будем двигаться по спирали, могут оказаться совсем рядом, если мы сопоставим витки этой спирали. И наоборот, почти одновременно существующие элементы, судя по их расположению по линии, оказываются удаленными, если двигаться по радиусу к центру. Подобная темпоральность вовсе не обязывает нас использовать такие ярлыки как "архаичное" или ‘’продвинутое’’, поскольку любая группа одновременно сосуществующих элементов может объединять элементы всех времен. В такой рамке наши действия могут, наконец, рассматриваться как политемпоральные»[37].

Темпоральности задают и структурируют исторические феномены. Какой «порядок времени» их поддерживает? Другими словами, каково оптимальное соотношение основных модусов времени в истории? «История становится видимой только через призму настоящего», – вслед за Хладениусом и Хайдеггером утверждал Козеллек. Многие интеллектуалы сегодня разделяют это мнение и связывают его с зыбким, но важным

[35] Escudier 2009.
[36] Lorenz London: Bloomsbury, 2021/ Ch.4.
[37] Латур 2006. (фр. 1997): 144.

для философии и науки понятием *историчности*[38]. Широко обсуждается синтагма *режим историчности*[39], которую почти сразу же дополнили понятием *режим темпоральности*[40]. Ключевые понятия, используемые историком, «имеют тенденцию создавать свой собственный темпоральный режим и впитывать в себя всю возможную историчность ментальных и аффективных состояний агентов истории» (А. Буро).

Франсуа Артог выделил три основных режима историчности: пассеизм, футуризм и презентизм, но их значительно больше, так как время, сотканное из темпоральностей, гетерогенно и многослойно. Тем не менее режимы историчности нередко помещаются в линейное историческое время, и в результате утрачивается заложенная в них эвристическая сила исследовательского инструмента «порядков времени» в ситуациях темпоральных кризисов. Артог не устает объяснять в этой связи, что *режим историчности* – это идеальный тип, конструкция историка, несуществующая в реальности[41]. Поэтому нельзя думать, что один режим следует за другим. В зависимости от места в каждой из модальностей времени присутствует собственный темпоральный порядок, от которого зависит поведение людей, характер историописания и проч.

Понимание работы историчности с ее мерцающими темпоральностями является одним из ответов интеллектуалов на вызовы современности. Речь идет о необходимости переосмыслить разнообразные формы опыта, учитывая многочисленные темпоральные инстанции при условии разрыва с телеологическими представлениями о темпоральном становлении людей и с классической реконструкцией преемственности, в которой не удается избежать времени как исторического априори. Но это предполагает выход за рамки привычного позитивизма историков[42]. Сегодня существует множество исследований, в которых прошлое и настоящее неразрывно связаны, при этом историчность соединяется с действием, коммуникацией и интерсубъективностью. Особенно это очевидно в текстах по истории памяти, травмы, забвения, когда историки изучают «прошлое, которое не проходит»

Историцистский хронотоп, а вместе с ним и дистанция между прошлым и настоящим были поставлена под вопрос как в повседневном опыте, так и в ученом мире уже в период Первой мировой войны. В 1920–1930 гг. в условиях очередного обострения беспокойного разума[43] сформировались критические концепции исторического времени.

Поворотным моментом в признании несостоятельности дисциплинарного разделения прошлого и настоящего, по мнению Ф. Артога, является отмена срока давности за преступления против человечности ре-

[38] Чеканцева 2018: 5-20.
[39] Hartog 2003.
[40] Bachet 2018.
[41] Артог 2008. № 3 (59).
[42] Riot-Sarcey 2002.
[43] Gattinara 1998.

золюцией ООН от 26 ноября 1968 г. В темпоральности такого преступления время не проходит, потому что «преступник навсегда остается современником своего преступления»[44]. В начале XXI в. Э. Рунья ввел понятие «присутствия» (*presence*)[45], которое принимают далеко не все историки. Б. Бевернаж полагает, что историкам мешает ухватить феномен «присутствия» в истории стоящая за понятием времени на Западе метафизическая картина геометрической линии, состоящей из точек, прочно связанная с наследием Аристотеля. Поэтому любая попытка разработать альтернативную теорию времени, в которой отводилось бы место для странной устойчивости «присутствия прошлого» в настоящем, должна иметь дело с этим наследием, выступив с критикой понимания настоящего как точечного момента»[46]. Тем не менее утверждается мысль, что «прошлое уже не то, что было раньше». (К. Лоренц). Теперь прошлое – это не только все отжившее и мертвое. Прошлое не уходит навсегда. а накапливается в каждой клеточке и трещинах различных «сейчас», «превращая эти настоящие в хронологические гибриды»[47].

Д. Лоуэнталь, пытаясь объяснить работу времени с точки зрения разных дисциплин, постоянно встречал сопротивление предмета изучения[48]. Культ «аутентичного прошлого» не делает его неизменным. Податливость прошлого связана не только с тем, что оно может быть источником выгоды. Она неизбежна, поскольку прошлое независимо от воли людей существует как часть настоящего.

Темпоральности и грамматика историографии

Включение темпоральных категорий в историческое исследование значительно его усложняет[49]. Современные поиски качественного исторического времени проявляют потребность лучше понять когнитивные возможности *исторического* подхода и разобраться в «грамматике историографии». М. Блок и Ж. Ле Гофф считали историю наукой об изменениях. Однако, что такое изменение? Каким образом оно присутствует в историографии? Ст. Танака, опираясь на конкретные исследования, показывает, что признание множественности темпоральностей меняет существующие представления об изменении, которые, как принято думать, призвана исследовать история. Прежде всего важно учесть, что пространственное время – это внешнее условие существования темпоральности. Пространственная локализация (государство, нация, город), возвышающая время над длительностью и мобильностью направлена на определенность, организацию и контроль, обеспечивая стабильность. Однако темпоральность предполагает учет внутреннего состояния организма или системы. Множественные темпоральности сосуществуют;

[44] Артог 2013.
[45] Runia 2006.
[46] Бевернаж 2012.
[47] Olsen 2012: 182.
[48] Лоуэнталь 2004 [1985].
[49] См, напр.: Koselleck 2002.

они могут быть независимыми или совпадать, взаимодействовать и сталкиваться. Изменения могут быть поддержанием (гомеостаз), распадом, инновацией или ростом. Такая разнородная деятельность порождает общее пространственное распределение времени. События, разделенные хронологическим временем, могут не слишком отличаться, в то время как уровни активности и их ритмы разнообразны: вирусы размножаются очень быстро, общество движется довольно медленно, геологические массы перемещаются еще медленнее, а среда обгоняет по скорости и социум, и геологические пласты[50]. Танака не отрицает необходимость календарного и хронологического времени, которое сейчас остается доминирующим, но объясняет, почему учет множества других времен позволит сделать историю более убедительной.

> «Когда мы призн**а**ем эту множественность времен, исторических изменений станет гораздо больше, чем движения в хронологическом времени. Изменения связаны с активностью, взаимодействием и результатом одного, связанного с другими. При этом каждый живет в своем времени и работает с разной скоростью. Особая роль принадлежит среде, и история также действует как фильтр того, что вы видите, того, как вы понимаете, и того, что вы игнорируете. Перспектива, неоднородность и множественность предполагаются, а отношения и локализация становятся фундаментальными условиями»[51].

Некоторые историки и теоретики истории, не слишком доверяющие эволюционной теории и наследию Аристотеля в понимании природы движения и времени, полагают, что историк изучает не изменения, а процесс становления как людей, так и всего, что их окружает.

В контексте историцистского хронотопа мантрой историков была непрерывность, а воплощением – неординарные события в жизни людей или в мире идей, которые нередко скрывались или нивелировались. По мнению современных аналитиков, разрыв в истории остается эмпирической и экзистенциальной загадкой, которая, помимо прочего, связана с ключевым вопросом познания: как возникает новое. В XXI в. разрывы нередко изучают в связи с авангардом, который ассоциируется с проявлением исторической темпоральности[52]. Человек и его динамичное существование всегда включено в ситуацию и перспективу. Такая онтология предполагает присутствие будущего в любом действии. «Историческое познание не ограничивается лишь осмыслением прошлого, – пишет французский историк, – но включает в себя и размышления о будущем. История является носителем видения будущего, потому что, защищая способность критического разума понять то, что иногда кажется непостижимым, она поддерживает волю к мысли и сопротивлению тому, что угрожает этому будущему. Именно в этом заключается смысл битвы за преподавание живой истории, которая не сводится к комментированию актуальных новостей»[53]. Однако центр тяжести категорий разрыва и

[50] Tanaka 2019: 145.
[51] Ibidem.
[52] Осборн 2016. Т.8; Papaioannou 2017.
[53] Duclert 2010.

преемственности остается в прошлом. Поэтому механизмы изменения в истории, если учитывать их темпоральные характеристики не всегда укладываются в модель преемственности и разрыва. Для правдоподобного объяснения необходимы дополнительные аналитические процедуры, выводящие историка за пределы дисциплинарного знания[54].

У историков и социально-гуманитарных наук общий предмет исследования – человек и социум. Вызовы антропоцена, заменяя базовые дихотомии устоявшихся познавательных практик *природакультурой, межвидовой коммуникацией и агентностью*, требуют расширения этого предметного поля. В масштабных дискуссиях об историческом времени, вращающихся вокруг нескольких основных вопросов (линейность, имманентность, контингентность, синхронизация), концептуально утверждается анахроничная, множественная и многослойная природа темпоральности. В свете кросс-дисциплинарного обсуждения темпорального содержания исторического опыта календарное и хронологическое время истории, воспринимаемое как спонтанное проявление естественного порядка вещей, предстает как совокупность управленческих техник, сложившихся анонимно и стихийно, но при поддержке различных институций, прежде всего государственных. В современной литературе убедительно показано, что эти техники стали в западном мире основой социального порядка эпохи модерности, породив архивы, автономную историческую науку и соответствующие управленческие практики.

В XXI в. образ истории, сложившийся в эпоху модерности стал проблемой как в интеллектуальной культуре, так и в повседневной жизни. Глобальное, постколониальное, медийное настоящее, в котором мы живем, все более убеждает, что история не движется по прямой и не является непрерывной. Телеологический миф о времени прогресса потерял свою объясняющую и мобилизующую силу. Непредсказуемая историческая динамика последнего столетия привела к появлению более сложных и разнородных темпоральных отношений, в которых глобальное время экономики, торговли, технологий и средств массовой информации вступает в конфликт с разнородными ритмами в разнообразных культурах и сообществах. Одновременно природная история Гайи, погруженная в «глубокие времена», обсуждаемые в контексте антропоцена, бросает вызов ограниченным темпоральным горизонтам социальных отношений и политических решений, вынуждая пересмотреть устоявшиеся концептуальные представления об историческом времени и соотношении темпоральных модусов, сформировавшихся в культуре европейской модерности. Понимание стремительно меняющегося мира настоятельно требует думать *исторически* таким образом, чтобы понимать не только прошедшее, но и настоящее, а также будущее нашей планеты. Поэтому интеллектуальный мир настойчиво ищет адекватные аналитические инструменты для осмысления политемпоральности.

[54] См. подробнее Ингерфлом. 2018: 171-204.

Расширяющееся поле исследований исторической памяти, темпоральный поворот, возрождение интереса к философии истории, к литературным и семантическим аспектам ремесла историка, свидетельствуют о необходимости реконфигурации научного подхода к прошлому, изучения многомерного мира разнородных темпоральностей и исторического мышления как основ исторической культуры, что наряду с другими новациями порождает потребность в переосмыслении этоса истории и идентичности историка[55].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Артог Ф. Какова роль историка во все более «презентистском» мире? // Гефтер. 15.03.2013. [Artog F. Kakova rol' istorika vo vse bolee «prezentistskom» mire? // Gefter. 15.03.2013.].

Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. 3 (59) [Artog F. Poryadok vremeni, rezhimy istorichnosti // Neprikosnovennyj zapas. 2008. 3 (59)].

Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: НЛО, 2012. 580 с. [Deskola F. Po tu storonu prirody i kul'tury. M.: NLO, 2012. 580 s.].

Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб. Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге. 2006. 240 с. [Latur B. Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoj antropologii. SPb. Izd-vo Evrop. un-ta v S.-Peterburge. 2006. 240 s.].

Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб.: «Владимир Даль». 2004. [Louental' D. Proshloe – chuzhaya strana. SPb. "Vladimir Dal'". 2004].

Лукьянов О.В. Экзистенциальный анализ и природа времени. Транстемпоральный характер экзистенциального опыта // Вестник Томск. гос. ун-та. 2007. № 299. С. 164-170. [Luk'yanov O.V. Ekzistencial'nyj analiz i priroda vremeni. Transtemporal'nyj harakter ekzistencial'nogo opyta // Vestnik Tomsk. gos. un-ta. 2007. № 299. S. 164-170.].

Олейников А. Откуда берётся прошлое? Апология анахронизма // НЛО. 2014. 2 (126). [Olejnikov A. Otkuda beryotsya proshloe? Apologiya anahronizma // NLO. 2014, 2 (126)].

Осборн П. Темпорализация как трансцендентная эстетика: авангард, модерн, современность // Художественный журнал. 2016. Т. 8 [Osborn P. Temporalizaciya kak transcendentnaya estetika: avangard, modern, so-vremennost'// Hudozhestvennyj zhurnal. 2016. T. 8].

Политика времени: анахронизм и современность. Анахронизм: между «политикой» современности и «историей» прошлого? // Гефтер. Дебаты.11.12.2015. [Politika vremeni: anahronizm i sovremennost'. Anahronizm: mezhdu «politi-koj» sovremennosti i «istoriej» proshlogo? // Gefter. Debaty.11.12.2015].

Савчук В. В. Топологическая рефлексия. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2012. 416 с. [Savchuk V. V. Topologicheskaya refleksiya. M.: Kanon+ROOI «Reabilitaciya», 2012. 416 s.].

Споря о модерности // НЛО. 2016. 110 (4). [Sporya o modernosti // NLO. 2016. 110 (4).].

Чеканцева З.А. «Нарративное время» историка // Историческая наука сегодня. Теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ. 2011. С. 55-75 [CHekanceva Z.A. «Narrativnoe vremya» istorika // Istoricheskaya nauka segodnya. Teorii, metody, perspektivy. Pod red. L. P. Repinoj. Moskva. LKI. 2011. C. 55-75].

Чеканцева З.А. Антропологизация историографии и идентичность историка XXI века // Электронный научно-образовательный журнал "История". Т. 9. Выпуск 8 (72). 2018. [CHekanceva Z.A. Antropologizaciya istoriografii i identichnost' istorika XXI veka // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya". T. 9. Vypusk 8 (72). 2018.].

Чеканцева З.А. Историчность и история в интеллектуальной культуре XXI века //Диалог со временем. Вып. 65. М. 2018. С.5-20. [CHekanceva Z.A. Istorichnost' i istoriya v intellektual'noj kul'ture XXI veka //Dialog so vremenem. Vyp. 65. M. 2018. S.5-20.].

Юрчак А. Мышление за пределами символического // Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. Париж. ООО «Ад Маргинем Пресс», 2018. [YUrchak A. Myshlenie za predelami simvolicheskogo // Kon E. Kak myslyat lesa: k antropologii po tu storonu cheloveka. Parizh. OOO «Ad Marginem Press», 2018.].

Ямпольский М. Без большой теории? // НЛО. 2011. 110 (4). [YAmpol'skij M. Bez bol'shoj teorii? // Novoe literaturnoe obozrenie. 2011. 110 (4)].

[55] The Ethos of History 2018.

Ямпольский М. Пространственная история. Три текста об истории. СПб: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс». 2013. [YAmpol'skij M. Prostranstvennaya istoriya. Tri teksta ob istorii. SPb: Knizhnye masterskie; Masterskaya «Seans». 2013.].
Bachet J. Défaire la tyrannie du présent. Temporalites émergentes et future inédits. Paris: La Découverte, 2018.
Bonnueul Ch. et Fressor J-B. L'événement Anthropocène. La Terre, l'histoire et nous. Paris: Editions du Seuil, 2016. [2013].
Breaking Up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future. Edited by Chris Lorenz and Berber Bevernage. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 2013.
Burges J., Elias A. J. Introduction: Time Studies Today // J. Burges and A. J. Elias (Eds). Time: A Vocabulary of the Present. New York. 2016. P. 1–32.
Chakrabarty D. Anthropocene time // History and Theory. 2018. 57, no. 1. 5-32.
Chakrabarty D. The Climate of History: Four Theses // Critical Inquiry. 2009. 35 (2). P. 197–222.
Debating New Approaches to History / Tamm M., Burke P. eds. L.: Bloomsbury Academic. 2018.
Domanska E. The New Age of the Anthropocene // Journal of Contemporary Archaeology. 2014. N 1. P. 96–101.
Dubar C. Du temps aux temporalités: pour une conceptualisation multidisciplinaire // Temporalités. 2014. 20.
Duclert V. L'avenir de l'histoire. Paris: Armand Colin, 2010.
Escudier A. «Temporalisation» et modernité politique : penser avec Koselleck // Annales HSS, 64-6, 2009, p. 1269-1301.
Ethos of History: Time and Responsibility / Eds. St. Helgesson, J. Svenungsson. N.Y.: Berghahn Books, 2018.
Fabian J. Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object. N.Y.: Columbia U.P. 1983.
Gattinara E.C. Les inquiétudes de la raison. Epistémologie et histoire en France dans l'entre-deux-guerres. J. VRIN. 1998.
Hartog F. Régimes d'historicité: Présentisme et expériences du temps. Paris: Seuil, 2003.
Hölscher L Time Gardens: Historical Concepts in Modern Historiography // History and Theory. 2014. 53. P. 577-91.
Jameson F. The End of Temporality// Critical Inquiry 29. Summer 2003.
Jordheim H. Forum: Multiple Temporalities. Introduction: Multiple Times and the Work of Synchronization // History and Theory. 2014. 53. P. 498-518.
Jordheim H., Wigen E. Conceptual Synchronisation: From Progress to Crisis // Millennium: Journal of International Studies. 2018. 46 (3): 421–39.
Koselleck R. Le futur passé: contribution à la sémantique des temps historiques. Paris: Ed. de l'EHESS, 1990. 334 p.
Koselleck R. The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts. Stanford University Press. 2002. 363 p.
Latour B. Où atterrir? Comment s'orienter en politique. Paris: La Découverte. 2017, p. 60.
Lavlok D. Homage to Gaia. Oxford University Press. 2000.
Lavlok D. Revenge of the Gaia. Basic Books, 2006.
Le temps et l'histoire. Entretien avec J. Chesneaux // Genèses, 29, 1997, pp. 123-140.
Les formes de l'expérience. Une autre histoire sociale / Dir. de B. Lepetit. P.: Albin Michel. 1995.
Loraux N. Éloge de l'anachronisme en histoire // Le genre humain, n.°27. 1993. P. 23-39.
Lorenz C. Blurred Lines: History, Memory and the Experience of Time // International Journal for History, Culture and Modernity. 2014. 2.
Lorenz Ch. Out of Time? Critical Reflections on Francois Hartog's Presentism // Marek Tamm & Laurent Olivier (eds.), Rethinking Historical Time. New Approaches to Presentism, London: Bloomsbury Academic. 2019. P. 23-43.
Lorenz Ch. Probing the Limits of Metaphor: On the Stratigraphic Model in History and Geology // Historical Understanding: Past, Present and Future / Eds. Zoltan Boldizsár Simon and Lars Deile. London: Bloomsbury, 2021.
Lorenz, C., and B. Bevernage (eds.) Breaking up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future. Göttingen: Vandenhoeck. 2013.
Mudrovcic M.I. The politics of time, the politics of history: who are my contemporaries? // Rethinking History. 2019. Vol. 23. N 4. P. 456–473.
Olsen N. History in the Plural: An Introduction to the Work of Reinhart Koselleck. New York: Berghahn. 2012.

Osborn P. The Politics of time: Modernity and Avant-Garde. London: Verso. 1995.
Papaioannou Ch.A. Ahead of its Time: Historicity, Chronopolitics, and the Idea of the Avant-Garde after Modernism. The University of Leeds School of Fine Art, History of Art and Cultural Studies. January. 2017.
Philosophy of History: Twenty-First-Century Perspectives / ed. J-M. Kuukkanen. L., 2020.
Prigogine I. La redécouverte du temps, Conférences Marc Bloch, 1987, mis en ligne 28.06.2006.
Quenet G. L'antropocène et le temps des historiens // Annales. HSS. 2017/2 72e année. P. 267-299.
Rancière J. Le concept d'anachronisme et la vérité de l'historien // L'Inactuel, n°6, 1996, p. 53-68.
Rethinking Historical Time. New Approaches to Presentism. Edited by Tamm M. and Olivier L. Bloomsbury academic. 2019.
Riot-Sarcey M. Temps et histoire en débat. "Tout s'oublie" et "rien ne passe"// Revue d'histoire du XIXe siècle. 2002/2 (n° 25).
Runia E. Inventing the New from the Old – From White's "Tropics" to Vico's "Topics" // Rethinking History. 2010. 14 (2): 229-241.
Runia E. 'Presence'// History and Theory 45. February 2006.1-29.
Shryock A., Smail D. L. Deep History: The Architecture of Past and Present. Berkeley: University of California Press, 2011.
Smail, D. L. On Deep History and the Brain. Berkeley: University of California Press. 2008.
Tanaka S. History without Chronology // Public Culture 2015. 28:1.
Tanaka S. History without Chronology. Lever Press. 2019.
Walter F. L'historien et temporalités // Royer J. La perception du temps. Genese. 2006. P. 95-105.
Wimmer M. The Present as Future Past: Anonymous History of Historical Times // Storia Della Storiografia, 68, 2015: 165-183.
Zalasiewicz J. The Extraordinary Strata of the Anthropocene // Environmental Humanities: Voices from the Anthropocene / ed. S. Oppermann, S. Iovino. L.: Rowman and Littlefield. 2017.

Чеканцева Зинаида Алексеевна, *доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, ИВИ РАН; achekantzev@mail.ru*

Time and history in the Anthropocene intellectual culture

The theme of time and history in the Anthropocene has acquired the status of one of the most pressing topics of our time. In large-scale discussions about historical time, which revolv around several basic issues (linearity, immanence, contingency, synchronization), the anachronistic, multiple, and multilayered nature of temporality is conceptually asserted. In the light of the interdisciplinary discussion of the temporal content of historical experience, the calendar and chronological time of history, perceived as a spontaneous manifestation of the natural order of things, appears as a set of management techniques that have developed anonymously and spontaneously, supported by various institutions, primarily state ones. In a rapidly changing world, there is a persistent search for analytical tools for comprehending the multitude of temporalities in order to understand not only the past but also the present and the future of our planet.

Keywords: Anthropocene, transdisciplinarity, history, historical time, temporality, temporalization, historicity

Zinaida A. Chekantseva*, Dr. Sc. (History), Professor, leading researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; zinaidachekantseva@gmail.com*